

§ 8. ЧЕЛОВЕКУ СВОЙСТВЕННО ОШИВАТЬСЯ

В силу традиции мы воспринимаем архитектуру как способ строительства поселения. Первыми архитектурными сооружениями считаются менгиры — огромные перевернутые камни, служившие ориентиром, местом ритуального поклонения, «местом силы». Менгир не является жилищем, однако он уже предполагает активное освоение и преобразование природного ландшафта человеком. Кроме физического изменения пространства архитектура работает также с его символическим переосмыслением. В этом смысле для ее существования не требуются дома и улицы. Номад во время путешествия не оставляет за собой каких-либо сооружений, однако он создает тропу.

Тропа создается в природном мире, не подлежащем изменению, созданном до появления в нем человека и не для него. Если мы будем понимать архитектуру именно как способ взаимодействия человека с пространством, возможны два варианта — борьба с пространством или же следование ему. Оседлое человечество занимается строительством деревень и городов, противопоставленных природе, но это не исключает возможности также и символического переосмысления местности. Также и дляномада отсутствие строений не означает отсутствия архитектуры.

Этим двум стратегиям соответствуют два типа жилищ — дом, для которого в земле вырывается котлован (или изначально — землянка), и шатер, перемещающийся с места на место, не оставляющий никаких следов. Обитатели этих жилищ, соответственно, принадлежат к оседлому либо кочевому человечеству.

Символически это разделение демонстрируют нам в Книге Бытия фигуры Каина и Авеля. Каин — архетип *Homo faber*, земледelec, отдающий все свое время тяжелому труду, Абель представляет собой *Homo ludens*, он осваивает пространство перемещаясь по нему со своими стадами, что наделяет его большей степенью свободы. При этом после убийства Каином Авеля наказанием для Каина становится вечное скитание — то же, что было благословением для его брата. Один из потомков Авеля, Джавад, упоминается как «отец всех, кто бродит по пустыне с шатрами». Удивительно при этом, что именно народы из колена Авеля становятся впоследствии основателями первых городов на Земле. Это демонстрирует взаимосвязанность номадизма и оседлости.

Чтобы понять, как возможно осуществление и сочетание двух этих стратегий в формате современного города, необходимо ответить на другой вопрос — существует ли пространство города в принципе? Дело в том, что мегаполис просто выносит его «за скобки». Пространство превращается в сумму жилых и офисных площадей, расстояний между ними и времени, необходимого для перемещения.

Эти траектории соответствуют маршрутам Google maps — всегда предлагается кратчайший путь, экономящий ценное время. Ценность поездки заключается прежде всего в том, что она займет «22 минуты. С учетом пробок». Пространство же вообще исключается из восприятия. Если довести такую ситуацию до логического предела, город станет системой порталов. Что не так далеко от нашей реальности:

погружаясь в метро на одной станции, человек «выныривает» на другой либо перемещается по городу в скафандре личного автомобиля. Более того, городские коммуникации созданы не для человека как такового, но могут быть каналами быстрого и эффективного перемещения, например, товаров.

Мексиканский и американский писатель и философ, профессор Колумбийского университета Мануэль де Ланда в «Тысяче лет нелинейной истории» (1997) сравнивает город с внешним панцирем, хитиновым скелетом, внутри которого существуют люди¹. К примеру, в городах Южного Китая до недавнего времени считалось нормальным ходить по улице в пижаме (рис. 1). Поход на рынок за овощами, вылазка за сигаретами или просто прогулка перед сном являются продолжением домашней жизни, а не поводом примерять на себя другие, более строгие роли, которые требуют специальной униформы. Люди чувствуют, что эти места — их жизненное пространство, в котором они могут вести себя расслабленно, граница между улицей и домом стирается. По той же логике улица — это место, где можно мыться, стричься и заниматься прочими необходимыми делами. Однако город-функция требует куда более четкой сегментации ландшафта. За несколько лет до открытия всемирной выставки в Шанхае под девизом «Пусть город сделает нашу жизнь лучше!» началось осуществления программы «оцивилизования» («文明化»). Было построено четыре дополнительные линии метрополитена, новый вокзал, снесен ряд старых микрорайонов с традиционными двухэтажными домами. Параллельно закрылось

¹ Ср. также: «В сущности, даже обнесенный стеною город, как пишет в книге „Город в истории“ Льюис Мэмфорд, является таким же расширением нашего кожного покрова, как дом и одежда». *Маклюэн Г. М.* Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. С. 56–57. — *Прим. ред.*

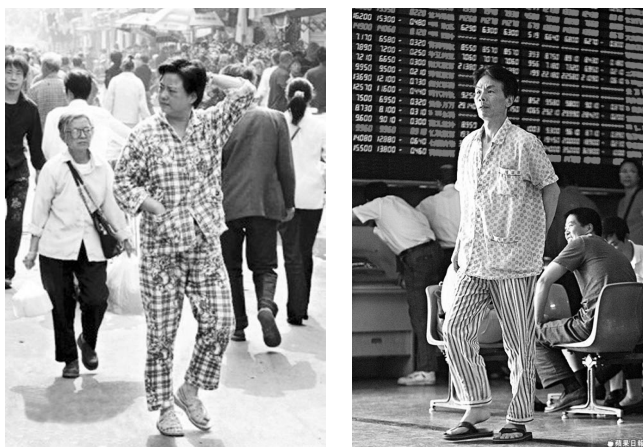

Рис. 1

огромное количество стихийных образований вроде «блошинных рынков». Жителям тоже необходимо было стать цивилизованными под стать городу. А именно — выстраиваться в четкие очереди в ожидании автобуса, не кидать мусор куда попало и выглядеть «как подобает». В том числе не разгуливать в общественных местах в домашней одежде. Все эти меры привели к своеобразной стерилизации. На месте узких улочек, через которые были перетянуты веревки для сушки белья, строились бизнес-центры и многоквартирные жилые комплексы. Многим показалось, что все это убило городской колорит и сделало Шанхай неотличимым от сотен других мегаполисов. Императив такого города — сделать жителей унифицированными элементами своего механизма. Городское планирование руководствуется функциональностью, задача системы городского транспорта — создать условия для максимально эффективного перемещения людских масс между разграниченными пространствами. Такие сооружения, как транспортные кольца или метрополитен, разрывают внутреннее единство города.

Пространство в этом сценарии остается за «чертой оседлости», то есть за чертой города. Переместившись за эту границу в электричке, можно вести себя совсем иначе — неспешно прогуливаться, собирать грибы, обращать внимание на живописные окрестности. Еще один хитрый ход — стандартные зимние развлечения: катание на лыжах или сноуборде, ведь здесь есть и необходимая скорость, ставшая потребностью, и непосредственный контакт с пространством. Такое взаимодействие, как и любое настоящее путешествие, всегда предполагает риски — опасность травмы и возможность заблудиться.

Представим себе двух людей, перемещающихся по улице города X. Один спешит по делам и целенаправленно движется к остановке трамвая. Другой, турист, бросив попытки понять, где он находится, убирает карту в карман и идет, рассматривая дома на обеих сторонах улицы, наблюдая за людьми. Он сворачивает направо, потом налево, обнаруживает площадь со сквером и присаживается отдохнуть. Привычный для одного маршрут может превратиться для другого во что-то интересное и удивительное. Ситуация, очевидно, может стать и обратной. Разница здесь в том, что одно движение является функцией внешней цели, другое же — более пассивно, вариативно, в нем человек осуществляет, в определенном смысле, волю самого пространства.

Тем не менее понятно, что существовать в своем привычном месте обитания в модусе туриста невозможно. Однако и жить в подчиненном исключительно логике скорости и унификации мегаполисе мучительно. Чтобы связать воедино разрозненные пространства и избавиться от шизофренической раздробленности, человеку необходимо переосмысление своего опыта взаимодействия с городскими улицами.

Французский историк, исследователь повседневности Мишель де Серто в главе «Прогулки по городу» из «Изобретения повседневности» противопоставляет город-карту и город,

воспринимаемый человеком непосредственно. Карта — это результат возрожденческой стратегии оптикоцентризма и торжества функциональности над хаосом. Однако, по мысли де Серто, жить человек может только «в городе, населенном призраками». Параллельно с тем городом, который мы видим на схеме, существует другой, наполненный воспоминаниями и отмеченный нашим опытом. Выпав на некоторое время из привычного функционала, человек погружается в пространство легенд — он идет по улицам, где из-за каждого угла на него смотрят воспоминания, он может видеть места, которых нет на карте: закрывшуюся булочную, окна, за которыми жили знакомые, места привычных встреч. Названия улиц не только систематизируют пространство и упрощают поиск, но и становятся точкой притяжения субъективных смыслов и таким образом реапроприруются, заново начинают принадлежать нашей персональной реальности. Именно этот опыт может оживить город, воскресив его из функциональности¹.

«Каменные джунгли» — среда обитания человека городского, она и является для него природой. Мы вновь возвращаемся к ситуации предзаданного ландшафта, подлежащего преобразованию. Это напоминает традицию *walkabout* австралийских аборигенов. Несколько раз в год члены племени должны заново проходить священные маршруты («*songlines*» или «линии сна»), пронизывающие континент. Этими путями шли их предки, создавая мир из небытия во Время Снов. Реки, холмы и долины «пропеваются» во время этого путешествия вместе с легендами об их создании. Это необходимо сделать, иначе мир вновь обратится в хаос. Путешествие же связывает ландшафт воедино.

Также и когда человек «теряется» в городе и отдаляется от известных маршрутов, он вступает в новые отношения с про-

¹ См. подробнее: *Де Серто М.* Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Издательство Европейского университета в СПб, 2013.

странством, позволяя ему доминировать. Пространство перестает быть функцией и превращается в субъект. Как пишет итальянский антрополог Франко ла Чебла в статье «Потерявшийся — человек без места»: «Давая себе возможность сбиться с пути, мы признаем, что между человеком и пространством существуют не только отношения доминирования и контроля, но и что пространство, в свою очередь, также может доминировать над человеком. Поэтому в примитивных культурах человек, которому никогда не случалось заблудиться, не считался взрослым»¹.

Латинский глагол «errare» кроме «ошибаться» имеет значение «заблуждаться, бродить бесцельно». Поэтому «человеку свойственно ошиваться» также будет адекватным переводом выражения «errare humanum est». Итальянское выражение «andare a zonzo» («идти к зонзо») также обозначает праздношатание, движение без определенной точки притяжения. Зонзо — несуществующее место. Тем не менее здесь все же задается вектор движения — к чему-то неизвестному. Городские прогулки без цели являются бесполезными с точки зрения прямого функционала, однако имеют потенциал преобразования окружающего пространства и смещения существующей системы восприятия. Город, пересеченный «линиями сна», становится измерением, параллельным функциональному. Вместо современной карты мы видим что-то вроде карты средневековой, где пространство может искривляться, концентрироваться в одном топосе и быть более разряженным в другом. Здесь есть место чудовищам, неведомым землям и белым пятнам, поверх которых написано: «здесь львы».

¹ *La Cecla F. Perdarsi. L'uomo senza ambiente, Laterza, Bari, 1988.*